

Убийство в «Восточном экспрессе»

Автор:

[Агата Кристи](#)

Убийство в «Восточном экспрессе»

Агата Кристи

Эркюль Пуаро #10

Находившийся в Стамбуле великий сыщик Эркюль Пуаро возвращается в Англию на знаменитом «Восточном экспрессе», в котором вместе с ним едут, кажется, представители всех возможных национальностей. Один из пассажиров, неприятный американец по фамилии Рэтчетт, предлагает Пуаро стать своим телохранителем, поскольку считает, что его должны убить. Знаменитый бельгиец отмахивается от этой абсурдной просьбы. А на следующий день американца находят мертвым в своем купе, причем двери закрыты, а окно открыто. Пуаро немедленно берется за расследование – и выясняет, что купе полно всевозможных улик, указывающих... практически на всех пассажиров «Восточного экспресса». Вдобавок поезд наглухо застревает в снежных заносах в безлюдном месте. Пуаро необходимо найти убийцу до того, как экспресс продолжит свой путь...

Роман «Убийство в “Восточном экспрессе”» по своему значению для мирового остросюжетного жанра стоит рядом с «Десятью негритятами»; на нем выросло не одно поколение знаменитых ныне авторов. Это образец того, как надо писать «детектив замкнутого пространства». Значение этого культового романа лишь увеличилось в силу нескольких блестящих экранизаций, ставших мировой киноклассикой.

Агата Кристи

Убийство в «Восточном экспрессе»

Agatha Christie

Murder on the Orient Express

Copyright © 1934 Agatha Christie Limited. All rights reserved.

© Петухов А. С., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Посвящается М.Е.Л.М. Арпачия, 1933 г.

Часть первая. Факты

Глава 1. Важный пассажир «Таврского экспресса»

I

Около пяти часов зимнего утра вдоль платформы станции Алеппо, что в Сирии, стоял поезд, который все железнодорожные справочники называли «Тавским[1 - Таврские горы - гряда на юге Турции в провинции Анталия.] экспрессом». Он

состоял из вагона-кухни, вагона-ресторана, международного спального и двух вагонов местного назначения.

Около ступенек, ведущих в спальный вагон, стоял молодой французский лейтенант, одетый в роскошную форму, и общался с невысоким сухощавым человечком, закутанным от холода так, что его совершенно невозможно было разглядеть, за исключением красного носа и торчащих усов, кончики которых были закручены вверх.

Холод пробирал до костей, и эти проводы важного иностранца были совсем не подарком, однако лейтенант Дюбоск стоически переносил все невзгоды. Он автоматически произносил подходящие моменту фразы на изысканном французском языке, но при этом совершенно не представлял себе, в чем, собственно, была причина приезда незнакомца, хотя, как всегда в подобных случаях, слухов по городу ходило множество. Лейтенант знал только, что в последнее время характер генерала, его генерала, портился с каждым днем. А потом появился этот бельгиец – похоже, что прямо из Англии. Неделя прошла в напряженном ожидании, а потом произошло сразу несколько событий: очень достойный офицер совершил самоубийство, а другой неожиданно подал в отставку, после чего напряжение с лиц командиров исчезло, а некоторые военные меры безопасности в гарнизоне были ослаблены. Генерал же, тот генерал, который был непосредственным командиром Дюбоска, стал выглядеть лет на десять моложе.

Лейтенант случайно услышал часть его разговора с незнакомцем.

– Вы буквально спасли нас, mon cher[2 - Мой дорогой (фр.)], – с чувством произнес генерал, и его седые усы при этом задрожали. – Вы спасли честь французской армии и предотвратили настоящую бойню! Как я могу отблагодарить вас за то, что вы не отказали мне в моей просьбе? Приехать в такую даль...

Незнакомец (чье имя было Эркюль Пуаро) с достоинством ответил что-то похожее на «вы что, могли подумать, что я забуду, как вы спасли мне жизнь?». На это последовал не менее достойный ответ генерала, который начал с того, что о прошлых заслугах не стоит упоминать, а затем заговорил о Франции, Бельгии, славе, чести... после чего они сердечно обнялись, и разговор прекратился.

О чем шла речь, лейтенант Дюбоск так и не понял, но ему досталась честь проводить месье Пуаро на «Таврский экспресс», что он теперь и делал с усердием и энтузиазмом молодого офицера, которого ждет в будущем блестящая карьера.

- Сегодня воскресенье, - поддерживал светскую беседу лейтенант, - завтра, в понедельник, к вечеру вы будете уже в Стамбуле.

Эту мысль он высказал уже несколько раз - беседы, которые ведутся на платформе перед отправлением поезда, как правило, крутятся вокруг одних и тех же тем.

- Да, именно так, - согласился месье Пуаро.

- Полагаю, что вы задержитесь там на несколько дней?

- Mais oui[3 - Ну конечно (фр.)]. Я никогда еще не был в Стамбуле. Было бы огорчительно проехать через него просто так, - Пуаро красноречиво щелкнул пальцами, - не останавливаясь. Срочных дел у меня сейчас нет, так что я останусь там на несколько дней как турист.

- Святая София просто великолепна, - с важностью заметил лейтенант, который ее никогда в жизни не видел.

Порыв холодного ветра промчался по платформе - оба мужчины поежились от холода. Дюбоск постарался незаметно взглянуть на свои часы. Без пяти пять - осталось всего пять минут!

Испугавшись, что его собеседник мог заметить этот его жест, лейтенант возобновил беседу.

- В такое время года мало кто решается на подобные путешествия, - заметил он, поглядывая на окна спального вагона.

- Безусловно, - вновь согласился бельгиец.

- Будем надеяться, что в Таврских горах не будет снегопада.

– А такое случается?

– Бывает, но в этом году еще не было.

– Тогда будем надеяться, – сказал месье Пуаро. – Прогнозы погоды из Европы очень плохие.

– Очень плохие – масса снега на Балканах.

– Я слышал, что и в Германии тоже.

– Eh bien[4 - Итак (фр.)], — поспешно произнес лейтенант Дюбоск, испугавшись, что беседа опять прекратится, – завтра вечером, в семь сорок, вы будете уже в Константинополе.

– Именно так, – в отчаянии произнес месье Пуаро. – Я слышал, что Святая София очень красива.

– По мне, так она просто великолепна.

Занавеска одного из окон у них над головой отодвинулась в сторону, и в окне показалась молодая женщина.

После того как она выехала из Багдада в прошлый четверг, Мэри Дебенхэм никак не могла выспаться. Это не удалось ей ни в поезде до Киркука, ни в пансионате в Мосуле, ни в дороге прошлой ночью. Теперь же, измученная духотой купе, в котором нечем было дышать, она встала с полки и выглянула наружу.

Скорее всего, это Алеппо. Естественно, смотреть здесь не на что. Длинная, плохо освещенная платформа, доносящиеся откуда-то препирательства на арабском языке... Двое мужчин под ее окном говорят по-французски. Один из них – французский офицер, другой – мужчина невысокого роста с невероятными усами. Мэри слабо улыбнулась – она никогда не видела, чтобы люди так кутались. На улице должно быть очень холодно. Наверное, поэтому они так безбожно топят в вагоне. Девушка попыталась опустить окно, но ей это не удалось.

К мужчинам подошел проводник спального вагона и предупредил, что поезд готов к отправлению. Лучше, если месье поднимется в вагон. Маленький мужчина снял шляпу. Его голова по форме была похожа на яйцо. Несмотря на свое раздражение, Мэри Дебенхэм невольно улыбнулась. Как странно выглядит этот небольшой человечек – такого совершенно невозможно воспринимать всерьез.

Лейтенант Дюбоск произносил свою прощальную речь, которую продумал заранее и берег именно для этих последних минут. Это была прекрасно подготовленная речь.

Стараясь не остаться в долгу, маленький бельгиец ответил не менее цветисто.

– En voiture, monsieur[5 - Отправляемся, месье (фр.)], — сказал проводник.

С почти нескрываемым облегчением месье Пуаро забрался в вагон. Проводник последовал за ним. Пуаро помахал рукой – лейтенант Дюбоск взял под козырек. С жутким толчком поезд медленно отошел от платформы.

– Enfin![6 - Наконец-то! (фр.)] – пробормотал маленький бельгиец.

– Б-р-р-р, – вслух произнес лейтенант, только теперь поняв, как же он замерз...

II

– Voil?, monsieur[7 - Прошу, месье (фр.)], – произнес проводник, театральным жестом демонстрируя Пуаро роскошь его купе и аккуратно разложенный багаж. – Маленький саквояж месье я поместил сюда.

Его протянутая рука явно на что-то намекала. Пуаро положил в нее сложенную банкноту.

– Merci, monsieur[8 - Благодарю, месье (фр.)]. — Проводник заговорил коротко и по-деловому: – Билеты месье у меня. Мне понадобится ваш паспорт. Как я

понимаю, месье сойдет в Стамбуле?

Пуаро согласно кивнул.

– Полагаю, что в вагоне не так много пассажиров? – спросил он.

– Немного, месье. Кроме вас, только двое, и оба англичане. Полковник из Индии и молодая леди из Багдада. Вам что-нибудь надо, месье?

Месье попросил принести ему маленькую бутылку «Перье».

Пять утра – не совсем подходящее время для посадки на поезд; до рассвета оставалось не меньше двух часов. Почти совсем не спавший накануне и полный мыслей об успешно завершённой деликатной миссии, Пуаро улегся на полку и мгновенно уснул.

Проснувшись в половине десятого, он направился в вагон-ресторан в поисках горячего кофе.

В это время в ресторане был только один посетитель – молодая девушка, о которой, по-видимому, говорил ему проводник. Высокая, худощавая, с темными волосами, на вид лет двадцати восьми. Девушка сноровисто поглощала свой завтрак, и то, как она обратилась к официанту с просьбой принести еще кофе, выдавало в ней знатока жизни и бывалого путешественника. Она была одета в темное дорожное платье, сделанное из тонкого материала, что как нельзя лучше подходило к жаре, стоявшей в поезде.

Делать Эркюлю Пуаро было нечего, поэтому он с удовольствием стал незаметно наблюдать за ней.

По его мнению, она была молодой женщиной, способной легко постоять за себя в любой ситуации – для этого у нее были необходимые самообладание и сноровистость. Пуаро понравились ее резкие черты лица и нежный оттенок кожи. Ему было приятно смотреть на ее блестящие, аккуратно уложенные волосы и холодные, безразличные серые глаза. Однако он решил, что у нее слишком деловой вид, чтобы ее можно было назвать «*jolie femme*»[9 - Хорошенькая женщина (фр.)].

В этот момент в ресторане появился еще один персонаж. Им оказался высокий худощавый мужчина с загорелым лицом и со слегка седеющими висками. Ему было где-то между сорока и пятьюдесятью.

«Полковник из Индии», – определил про себя Пуаро.

Вошедший слегка поклонился девушке:

– Доброе утро, мисс Дебенхэм.

– Доброе утро, полковник Арбэтнот.

Полковник положил руку на спинку стула, стоявшего напротив молодой женщины.

– Вы не возражаете? – спросил он.

– Ну конечно нет. Присаживайтесь.

– Знаете, иногда за завтраком совсем не хочется ни с кем разговаривать.

– Можно и не разговаривать; но в любом случае я не кусаюсь.

Полковник сел.

– Бой[10 - Так в Индии обращаются к слугам.], – позвал он безапелляционным тоном и заказал яйца и кофе.

На какую-то секунду его глаза задержались на Пуаро, а потом он равнодушно отвел взгляд. Эркюль Пуаро, хорошо зная психологию англичан, решил, что полковник подумал про себя: «Какой-то жалкий иностранец».

Будучи истинными представителями своей национальности, англичане ели молча. Они обменялись всего несколькими короткими замечаниями, а потом девушка встала и возвратилась к себе в купе.

Во время ланча англичане опять сидели вместе и опять полностью игнорировали третьего пассажира. Разговор был несколько оживленнее, чем за завтраком. Полковник Арбэтнот рассказывал о Пенджабе, время от времени задавая вопросы о Багдаде, где женщина, очевидно, служила в качестве гувернантки. В процессе беседы они нашли нескольких общих знакомых, немедленно стали обращаться друг к другу более раскованно и дружелюбно и занялись обсуждением старины Томми Такого-то и Джерри Как-его-там.

Полковник поинтересовался, проследует ли Мэри прямо в Европу или остановится в Стамбуле?

– Нет, я еду без остановок.

– Наверное, вам жаль, что вы не сможете осмотреть Стамбул?

– Я ехала этим же путем три года назад и тогда провела в городе три дня.

– Тогда понятно. Что ж, могу сказать: я рад, что вы едете без остановки, поскольку я тоже не собираюсь останавливаться.

И он неловко поклонился, слегка покраснев.

«А наш полковник человек трепетный, – подумал Эркюль Пуаро с некоторым удивлением. – Для него поездка на поезде может оказаться такой же опасной в известном смысле, как и круиз на пароходе».

Мисс Дебенхэм равнодушно согласилась, что это будет очень мило. Держалась она немного холодно.

Пуаро заметил, что полковник проводил ее до купе. Позже, когда поезд шел через роскошные Таврские горы, они любовались великолепными видами Киликийских ворот, стоя в коридоре бок о бок друг с другом. Стоявший недалеко от них Пуаро неожиданно услышал, как девушка вздохнула.

– Как это прекрасно! Я бы хотела... хотела бы... – чуть слышно пробормотала она.

– Я слушаю вас.

– Я бы хотела иметь возможность насладиться всем этим.

Арбэтнот ничего не ответил. Казалось, что его квадратный подбородок окаменел.

– Я был бы благодарен Богу, если бы все это вас не коснулось, – проговорил он.

– Умоляю вас, тише... Тише.

– Ах да, конечно! – Он бросил раздраженный взгляд в направлении Пуаро и продолжил: – Мне совсем не нравится, что вам приходится работать гувернанткой – прислуживать всем этим тиранам-матерям и их докучливым ублюдкам!

Она рассмеялась, и в звуках ее смеха послышалась неуверенность.

– Нет, нет! Вы не должны так думать. Истории об угнетаемых гувернантках – это просто миф. Более того, уверяю вас, что сейчас матери боятся нас гораздо больше, чем мы их.

Больше они ничего не сказали – возможно, Арбэтноту было стыдно за его эмоциональное высказывание.

«А ведь передо мной разыгрывается любопытная маленькая пьеса», – подумал про себя Пуаро.

Позже он еще неоднократно вернется к этой мысли.

В Конью поезд прибыл вечером, в половине двенадцатого. Англичане вышли из вагона, чтобы размять ноги. Они прогуливались вдоль поезда по заснеженной платформе. Пуаро же решил понаблюдать за тем, что происходит на станции, через стекло. Однако минут через десять он подумал, что глоток свежего воздуха ему тоже не помешает. Бельгиец тщательно подготовился к высадке, закутавшись в пальто и в несколько слоев различных шарфов, и засунул аккуратные ботинки в галоши. В таком одеянии Пуаро осторожно спустился на платформу и стал прогуливаться по ней. В какой-то момент он подошел к паровозу.

По голосам Пуаро смог определить, кем были две размытые фигуры, стоявшие в тени грузового вагона.

- Мэри... - начал Арбэтнот, но девушка его прервала:

- Не сейчас. Только не сейчас. Когда все закончится. Когда все будет позади, тогда...

Никем не замеченный, Пуаро повернулся и пошел обратно. Он был сильно озадачен. Тон голоса, который услышал маленький бельгиец, мало походил на холодный деловой тон мисс Дебенхэм, который он слышал утром.

- Очень странно, - пробормотал про себя Пуаро.

На следующий день он решил, что англичане поссорились. Говорили они очень мало, и ему показалось, что девушка выглядит расстроенной. Под глазами у нее залегли темные круги.

В половине третьего поезд неожиданно остановился. Пассажиры выглянули в окна. Сбоку от колеи стояла небольшая группа людей, которые рассматривали что-то под колесами вагона-ресторана.

Выглянув из окна, Пуаро задал вопрос проводнику спального вагона, который как раз проходил мимо. Услышав ответ, бельгиец втянул голову внутрь и чуть не столкнулся с Мэри Дебенхэм, которая стояла прямо за ним.

- Что случилось? - спросила она по-французски, слегка задыхаясь. - Почему мы остановились?

- Ничего страшного, мадемуазель. Что-то загорелось под вагоном-рестораном, но все обошлось. Пламя уже погасили, и теперь они должны исправить поломку. Уверю вас, мы в полной безопасности.

Девушка сделала нетерпеливый жест рукой, как будто отбрасывала мысль об опасности, как не стоящую внимания.

– Это я понимаю, но время!

– Время?

– Ну да, ведь это нас задержит.

– Не исключено, – согласился Пуаро.

– Но мы не можем себе этого позволить! Поезд должен прибыть в шесть пятьдесят пять вечера, а потом нам надо будет пересечь Босфор и успеть на симплонский «Восточный экспресс», который отправляется с другого берега в девять часов вечера. Если мы задержимся на пару часов, то опоздаем на этот поезд.

– И такое возможно, – согласился Пуаро.

Он с любопытством посмотрел на девушку. Ее рука, сжимавшая ручку окна, слегка дрожала, так же как и ее губы.

– А это что, так важно для вас, мадемуазель? – поинтересовался он.

– Да. Очень важно. Я... я просто обязана успеть на этот поезд.

Мисс Дебенхэм отвернулась от Пуаро и направилась по коридору к полковнику Арбэтноу.

Однако волновалась она совершенно напрасно. Поезд тронулся через десять минут, и в порт Хайдарпаша они прибыли только с пятиминутным опозданием, нагнав потерянное время в пути.

На Босфоре штормило, и переправа не доставила Пуаро никакого удовольствия. На пароходе он ехал отдельно от своих случайных попутчиков и поэтому больше их не видел.

Прибыв к Галатскому мосту, Пуаро отправился напрямик в отель «Токатлиан».

Глава 2. Отель «Токатлиан»

В отеле Эркюль Пуаро попросил номер с ванной, а затем подошел к стойке консьержа и поинтересовался своей почтой.

На его имя пришло три письма и одна телеграмма. Его брови поползли вверх, когда он увидел телеграмму. Ее бельгиец никак не ожидал.

Как всегда не торопясь и очень аккуратно, Пуаро вскрыл ее. Напечатанные буквы легко сложились в следующую фразу:

«Предсказанные вами события в деле Касснера произошли раньше времени просим немедленно вернуться».

– *Voilà? ce qui est emb?tant*[11 - Как это иногда раздражает (фр.)], — с горечью прошептал Пуаро и поднял глаза на настенные часы. – Мне придется уехать прямо сегодня, – сказал он консьержу. – Во сколько отправляется симплонский «Восточный»?

– В девять часов, месье.

– Вы можете заказать мне купе в спальном вагоне?

– Ну конечно, месье. В это время года никаких проблем не будет. Поезда почти пусты. Первый класс или второй?

– Первый.

– *Tr?s bien, monsieur*[12 - Очень хорошо, месье (фр.)]. Куда вы следуете?

– В Лондон.

– *Bien, monsieur*[13 - Хорошо, месье (фр.)]. Я закажу вам билет до Лондона и зарезервирую спальное купе в вагоне Стамбул – Кале.

Пуаро еще раз взглянул на часы. Было без десяти восемь.

– У меня хватит времени поесть?

– Ну конечно, месье.

Маленький бельгиец кивнул. Отказавшись от своего номера, он прошел в ресторан и как раз делал заказ, когда ему на плечо опустилась чья-то рука.

– А, mon vieux[14 - Старый приятель (фр.)], вот неожиданная радость, – произнес голос у него за спиной.

Говоривший был невысоким, коренастым пожилым мужчиной, с волосами, подстриженными en brosse[15 - Ежиком (фр.)]. Он весь светился от радости.

Пуаро вскочил на ноги:

– Месье Бук!

– Месье Пуаро!

Месье Бук был бельгийцем, директором Международной компании «Вэгонс-Лит»[16 - Международная компания, занимающаяся пассажирскими железнодорожными перевозками. В конце XIX – начале XX в. была оператором «Восточного экспресса»]. Он знал бывшую звезду бельгийской полиции уже много лет.

– А вы забрались далеко от дома, mon cher, – заметил месье Бук.

– Небольшое дельце в Сирии.

– Ах, вот как! И когда же вы возвращаетесь?

– Сегодня.

– Превосходно! Я тоже. То есть я хочу сказать, что еду в Лозанну, где у меня дела. Полагаю, вы едете на симплонском «Восточном»?

– Да. Я только что попросил отель заказать мне спальное купе. Собирался остаться в Стамбуле на несколько дней, но получил телеграмму, в которой требуется мое срочное присутствие в Англии.

– Ах, вот как! *Les affaires – les affaires!*[17 - Всё дела, дела! (фр.)] В наши дни вы достигли степеней известных, *mon vieux!*

– Да, мне удалось кое-чего достичь. – Пуаро попытался напустить на себя вид скромника, но это ему не удалось.

Бук рассмеялся.

– Встретимся позже, – сказал он и отошел.

Пуаро занялся супом, который ему в этот момент подали, тщательно следя за тем, чтобы тот не попал на его роскошные усы.

Покончив с этим сложным делом, он огляделся вокруг, ожидая следующего блюда. В зале сидели не более полудюжины посетителей, и из этой полудюжины только двое заинтересовали сыщика.

Эти двое расположились за столиком, который стоял недалеко от Пуаро. Тот, что помоложе, был приятным молодым человеком лет тридцати, в котором все выдавало американца. Однако внимание маленького бельгийца привлек его спутник.

Ему было где-то лет шестьдесят-семьдесят. На его лице филантропа не было видно никаких эмоций. Слегка лысеющая голова, высокий лоб, улыбка, демонстрирующая набор белоснежных искусственных зубов, – все говорило о его благожелательности. И только глаза не позволяли поверить в это. Они были маленькими, глубоко посаженными и коварными. И не только это. Когда мужчина, отвечая на какой-то вопрос молодого человека, на секунду остановил свой взгляд на сыщике, Пуаро почувствовал странную недоброжелательность и непонятную напряженность этого взгляда.

Потом мужчина встал.

- Оплатите счет, Гектор, - распорядился он.

У него был слегка хрипловатый голос. В нем слышалась странная, мягкая угроза.

Когда Пуаро вновь подошел к своему другу в лобби, парочка как раз покидала отель. Их багаж уже снесли вниз. Младший, наблюдая за процессом погрузки и открыв стеклянную дверь, сообщил:

- Теперь все готово, мистер Рэтчетт.

Пожилой мужчина что-то проворчал и вышел из гостиницы.

- Eh bien, - сказал Пуаро, - что вы думаете об этой парочке?

- Американцы, - предположил месье Бук.

- Естественно, они американцы. Я имел в виду, что вы можете сказать о них как о людях?

- Молодой человек выглядит вполне прилично.

- А другой?

- Сказать по правде, он меня мало трогает. Он произвел на меня довольно неприятное впечатление. А на вас?

Пуаро на секунду задумался, прежде чем ответить; затем произнес:

- Когда он прошел мимо меня в ресторане, у меня было странное ощущение, как будто я разминулся с хищником, беспощадным хищником! Вы меня понимаете?

- А вид у него очень респектабельный...

– Precisement![18 - Точно! (фр.)] Его тело-клетка выглядит абсолютно респектабельно, но сквозь прутья на вас смотрит дикое животное.

– Вы преувеличиваете, mon vieux, – успокоил сыщика месье Бук.

– Может быть, но я никак не могу избавиться от ощущения, что мимо меня прошествовало само ЗЛО.

– И вы так говорите об этом приличном американском джентльмене?

– И я говорю так об этом приличном американском джентльмене.

– Ну что ж, – беспечно произнес месье Бук, – может быть, вы и правы. В мире так много зла.

В этот момент дверь открылась, и к ним направился консьерж. У него был озабоченный и в то же время извиняющийся вид.

– Это совершенно невероятно, месье, – обратился он к Пуаро, – но на поезде не осталось ни одного незанятого купе первого класса.

– Comment?[19 - Как? (фр.)] – воскликнул месье Бук. – В это время года? Наверняка какая-нибудь группа журналистов или политиков...

– Не знаю, сэр, – ответил консьерж, с уважением повернувшись к нему, – но это именно так.

– Ну-ну, – сказал месье Бук, поворачиваясь к Пуаро, – не волнуйтесь, мой друг. Мы что-нибудь придумаем. В вагоне всегда есть одно купе, номер шестнадцать, которое никогда не продают. Проводник обязан за этим следить! – Бельгиец улыбнулся и посмотрел на часы. – Пойдемте, – пригласил он Пуаро, – нам пора отправляться.

На вокзале месье Бука приветствовал представительный проводник спального вагона в коричневой униформе.

– Добрый вечер, месье. Ваше купе – номер один.

Он позвал носильщиков, и те довели багаж до середины вагона, на котором висела табличка:

СТАМБУЛ – ТРИЕСТ – КАЛЕ

– Я слышал, что у вас сегодня полный аншлаг?

– Совершенно невероятно, месье. Как будто весь мир решил сегодня отправиться в путешествие.

– И тем не менее вы должны найти место для этого джентльмена. Он мой друг. Его можно разместить в номере шестнадцатом.

– Оно тоже занято, месье.

– Что? Номер шестнадцать?

Они обменялись понимающими взглядами, и проводник улыбнулся. Он был высоким мужчиной средних лет со слегка желтоватым лицом.

– Именно так, месье. Как я уже доложил вам, у нас абсолютный аншлаг.

– А в чем дело? – раздраженно спросил месье Бук. – Что, где-то проходит какая-то конференция, или это некая организованная поездка?

– Нет, месье. Исключительно стечение обстоятельств. Просто такое количество людей решило ехать именно сегодня.

Месье Бук нервно поцокал языком.

– В Белграде, – сказал он, – к нам подцепят спальный вагон из Афин. Там же появится вагон Бухарест – Париж, но в Белграде мы окажемся не раньше вечера завтрашнего дня. Так что проблема в сегодняшнем вечере. Свободных полков второго класса тоже нет?

- Есть одна, второго класса...

- Ну, тогда...

- Но в этом купе уже едет женщина. Она немка - горничная мадам.

- Ла-ла, как неприятно, - сказал мистер Бук.

- Не расстраивайтесь так, друг мой, - произнес Пуаро. - Мне придется ехать в обыкновенном купированном вагоне.

- Нет, ни в коем случае. - Бук опять повернулся к кондуктору: - И все пассажиры уже на своих местах?

- Пока не хватает только одного пассажира, - очень медленно произнес проводник.

- Да говорите же вы, наконец.

- Полка номер семь - второй класс. Джентльмен еще не появился, а времени уже без четырех минут девять.

- А кто этот джентльмен?

- Англичанин, - проводник сверился со списком, - некто мистер А.М. Харрис.

- Это хороший знак, - заметил Пуаро. - Я читал Диккенса - этот мистер Харрис не появится никогда[20 - В романе Ч. Диккенса «Мартин Чезлвит» (1844) одна из героинь, Сара Гэмп, для подтверждения своей правоты ссылается на выдуманную ею подругу - некую миссис Харрис.].

- Поставьте багаж месье Пуаро в купе с полкой номер семь, - распорядился месье Бук. - Если этот мистер Харрис все-таки появится, то мы скажем ему, что уже слишком поздно - мы не можем держать полки незанятыми так долго. В любом случае потом что-нибудь придумаем. Какое мне дело до какого-то мистера Харриса?

– Как месье будет угодно, – ответил проводник и показал носильщику Пуаро, куда отнести багаж.

Потом он отошел от ступенек, чтобы дать маленькому бельгийцу возможность войти в вагон.

– Tout ? fait au bout, monsieur[21 - В самый конец, месье (фр.)], – крикнул он ему вслед. – Предпоследнее купе.

Пуаро медленно двинулся по проходу, так как большинство пассажиров стояли у окон в коридоре.

Его вежливое «pardon» раздавалось с монотонностью метронома. Наконец он добрался до искомого купе. Внутри него молодой американец из «Токатлиана» как раз тянулся за своим чемоданом.

Когда Пуаро вошел, молодой человек нахмурился.

– Простите, – произнес он, – но мне кажется, что вы ошиблись. – А потом повторил на ломаном французском: – Je crois que vous avez un erreur[22 - Я думаю, что у вас есть заблуждение (лом. фр.)].

Пуаро ответил по-английски:

– Вы мистер Харрис?

– Нет, мое имя Маккуин. Я...

В это время из-за плеча Пуаро донесся голос проводника спального вагона. Мужчина слегка запыхался, и в голосе его слышались извинения.

– В вагоне нет больше свободных полок, месье. Этот джентльмен поедет здесь.

Произнеся это, он опустил окно в коридоре вагона и стал втаскивать багаж Пуаро.

Бельгиец со злорадством услышал эти извиняющиеся нотки – вне всякого сомнения, пассажир пообещал проводнику щедрые чаевые, если тот сможет сделать так, чтобы в купе больше никого не подселили. Но даже самые невероятные чаевые бледнеют перед распоряжением директора Компании.

Уложив чемоданы на багажные полки, проводник вышел из купе.

– Voil?, monsieur, – сказал он. – Всё в порядке. Ваша полка номер семь – верхняя. Через минуту мы отправляемся.

И он заторопился по коридору. Пуаро вновь вошел в купе.

– Удивительное дело, – весело сказал он, – проводник спального вагона сам раскладывает багаж по полкам! Неслыханно!

Его попутчик улыбнулся. По-видимому, он уже смирился с ситуацией и решил смотреть на происходящее с философской точки зрения.

– Поезд заполнен под завязку, – заметил он.

Раздался свисток кондуктора, сопровождаемый длинным меланхоличным гудком паровоза. Мужчины вышли в коридор.

– En voiture, – донеслось с платформы.

– Тронулись наконец, – сказал Маккуин.

Но это было не совсем так. Свисток прозвучал еще раз.

– Знаете, сэръ, – неожиданно предложил молодой человек, – если вы хотите занять нижнюю полку – удобнее и все такое, – то я не возражаю.

– Нет, нет, – запротестовал Пуаро. – Я не хочу утруждать вас...

– Да всё в порядке...

– Вы слишком великодушны...

Они обменивались любезностями еще какое-то время.

– Это всего на одну ночь, – объяснил Пуаро. – В Белграде...

– Ах, так вы сходите в Белграде?

– Не совсем так. Понимаете...

Неожиданно поезд дернулся. Оба мужчины повернулись к окну и посмотрели на длинную, залитую светом платформу, которая медленно проплывала мимо них.

«Восточный экспресс» отправился в свое трехдневное путешествие через всю Европу.

Глава 3. Пуаро отказывается от предложения

На следующий день месье Эркюль Пуаро слегка запоздал на ланч. Он рано встал, позавтракал почти в одиночестве и провел утро за изучением материалов дела, которое требовало его немедленного присутствия в Лондоне. Своего попутчика он почти не видел.

Месье Бук, который уже сидел в ресторане, помахал ему в знак приветствия и предложил место за столиком напротив себя. Пуаро уселся и смог сполна насладиться столиком, который обслуживали в первую очередь и совершенно безукоризненно. Еда тоже была великолепной.

Только приступив к роскошному сливочному сыру, месье Бук позволил себе оторваться от обсуждения гастрономической темы. Он был как раз на том этапе насыщения, когда человек становится философом.

– Ах, – вздохнул месье Бук, – если б я обладал талантом Бальзака! Уж я бы описал эту сцену. – И он обвел вагон-ресторан рукой.

– Да, неплохая идея, – произнес Пуаро.

– Так вы со мной согласны? Мне кажется, что никому еще не пришло в голову описать поезд дальнего следования. А меж тем подобная сцена так и просится на бумагу, мой друг. Все эти люди, разных возрастов, национальностей, из разных слоев общества... И на три дня все они, ранее незнакомые друг с другом, собираются в одном месте. Они едят и спят под одной крышей и не могут избежать общества друг друга. А в конце этих трех дней расстанутся для того, чтобы никогда больше не встретиться.

– А с другой стороны, – заметил Пуаро, – какое-то происшествие...

– Нет-нет, только не это, друг мой...

– Я понимаю, что, с вашей точки зрения, это будет ужасно, но давайте все-таки представим себе на минуту, что все эти люди оказываются связанными между собою – например, смертью.

– Еще немного вина? – предложил месье Бук, поспешно наполняя бокал сыщика. – Вы слишком мрачны, mon cher. Скорее всего, это из-за проблем с пищеварением.

– Соглашусь, – сказал Пуаро, – что еда в Сирии не слишком подходила для моего желудка.

Он глотнул вина и, откинувшись на спинку стула, задумчиво оглядел вагон-ресторан.

В зале сидели тринадцать человек – как уже заметил месье Бук, из разных слоев общества и разных национальностей. Пуаро стал внимательно изучать сидевших.

За столом напротив него расположились трое мужчин. Как понял бельгиец, это были путешественники-одиночки, собранные за одним столом лишь непоколебимым решением местных официантов. Большой чернявый итальянец энергично орудовал зубочисткой. Напротив него находился сухощавый, аккуратно одетый англичанин с ничего не выражающим лицом хорошо

вышколенного слуги. Рядом со слугой сидел крупный американец в кричащем костюме – скорее всего, коммивояжер.

– Здесь все дело в удаче, – громко произнес он в нос.

Итальянец вынул зубочистку изо рта и стал жестикулировать ею.

– Точно, – сказал он. – И я все время о том же.

Англичанин кашлянул и повернулся к окну.

Взгляд Пуаро двинулся дальше.

За маленьким столиком сидела, с абсолютно прямой спиной, одна из самых уродливых женщин, которых ему доводилось видеть в своей жизни. Это была выдающаяся уродливость – она скорее привлекала, чем отталкивала. Сидела женщина и в самом деле очень прямо. Ее шея была украшена широким «воротником» из очень крупных жемчужин, которые, несмотря на свои размеры, были настоящими. Пальцы унизаны кольцами, плечи прикрывало соболиное манто. Крошечная, но очень дорогая шляпка без полей удивительно не шла к ее желтоватому, похожему на жабью морду, лицу.

Она говорила с официантом четким и вежливым, но совершенно не терпящим возражения голосом.

– Будьте так любезны, поставьте мне в купе бутылку минеральной воды и большой стакан апельсинового сока. Проследите, чтобы сегодня за обедом цыпленок был приготовлен без всяких соусов, и не забудьте подать немного вареной рыбы.

Официант уважительно заверил ее, что все ее просьбы будут выполнены.

Дама чуть заметно наклонила голову и поднялась. Ее взгляд встретился со взглядом Пуаро, и она посмотрела на бельгийца с безразличием равнодушной аристократки.

– Это княгиня Драгомирова, – негромко сказал месье Бук. – Из русских. Ее мужу удалось перевести все свое состояние за границу еще до революции. Сказочно богата. Настоящая космополитка.

Пуаро кивнул – ему уже доводилось слышать о княгине Драгомировой.

– Вот это личность! – продолжил Бук. – Страшна, как смертный грех, но какая леди! Согласны?

Пуаро был согласен.

За следующим большим столиком сидела Мэри Дебенхэм с двумя попутчицами. Одна из них была высокой женщиной средних лет, одетой в юбку из твида и блузку в клеточку. Под копной выцветших волос песочного цвета, уложенных в неаккуратный пучок, виднелись очки, а ее длинное, доброе, благожелательное лицо чем-то напоминало овечью морду. Она слушала то, что говорила третья женщина – пожилая, коренастая, с приятным лицом. Говорила она ясно, медленно и удивительно монотонно, не прерываясь даже на то, чтобы сделать вдох.

– ...И тогда моя дочь сказала: «Вы не можете применять американские методы в этой стране. Народ здесь исключительно ленивый, – сказала она, – и в них начисто отсутствует какое-бы то ни было желание работать». И в то же время вы не поверите в то, что происходит в нашем тамошнем колледже. У них просто великолепный подбор учителей. На мой взгляд, самое главное – это образование. Мы должны научить Восток чтить и понимать наши западные ценности. Моя дочь говорит...

В этот момент поезд нырнул в тоннель, и спокойный, монотонный голос исчез.

За следующим столиком – маленьким – в одиночестве сидел полковник Арбэтнот. Он не отводил взгляда от затылка Мэри Дебенхэм. Сидели они по отдельности, хотя при желании легко могли бы сидеть вместе. Почему?

Может быть, подумал Пуаро, Мэри Дебенхэм была против этого. Гувернанткам приходится быть осторожными. Для них важно то, что о них говорят. Девушкам, которые сами зарабатывают себе на жизнь, приходится вести себя скромно.

Он посмотрел в другой конец вагона. В дальнем конце, у стены, сидела пожилая женщина в черном, с широким и ничего не выражающим лицом. Немка или скандинавка, подумал сыщик. Возможно, немецкая горничная мадам.

За ней сидела пара. Они наклонились друг к другу и говорили без остановки. На мужчине была английская одежда из твида, но было видно, что он не англичанин. Хотя Пуаро мог видеть только часть его затылка, форма головы и наклон плеч выдавали в нем европейца. Крупный, хорошо сложенный мужчина.

Неожиданно он повернулся, и Пуаро увидел его профиль. Очень красивый человек тридцати с небольшим, с большими светлыми усами.

Женщина, сидевшая напротив него, выглядела совершенным ребенком – не более двадцати на первый взгляд. Облегающие маленький жакет и юбка, белая блузка из сатина и маленькая изысканная шляпка без полей, непонятно каким образом державшаяся у нее на голове. Красивое иноземное лицо, белоснежная кожа, большие карие глаза и черные блестящие волосы; ногти на ухоженных руках ярко-красного цвета. На пальцах одно-единственное кольцо – крупный изумруд, оправленный в платину. Во взгляде и голосе женщины сквозило кокетство.

– Elle est jolie – et chic[23 - Она мила – и шикарна (фр.)], — пробормотал Пуаро. – Скорее всего, муж и жена...

– Из венгерского посольства, – согласно кивнул месье Бук. – Красивая пара.

Остались последние два человека – попутчик Пуаро Маккуин и его хозяин, мистер Рэтчетт. Последний сидел лицом к Пуаро, и маленькому бельгийцу удалось еще раз рассмотреть его не располагающее к себе лицо и еще раз заметить несоответствие между доброжелательным изгибом бровей и злобой, сверкавшей в маленьких глазках.

Месье Бук сразу же заметил, как изменилось лицо его приятеля.

– Вы смотрите на ваше дикое животное? – спросил он. Пуаро согласно кивнул.

Когда сыщику принесли кофе, месье Бук встал. Он начал еду раньше Пуаро и закончил несколько минут назад.

– Я пойду к себе в купе, – сказал он. – Когда закончите – заходите, поболтаем.

– С удовольствием.

Пуаро заказал ликер и продолжил наслаждаться кофе. Официант с коробкой ходил от столика к столику, принимая плату за ланч. Шум зала перекрывал громкий и заунывный голос американки:

– Моя дочь сказала мне, чтобы я купила пачку столовых купонов, чтобы избежать проблемы с оплатой. Однако проблем стало только больше. Они все требуют десять процентов на чай, а в качестве минеральной воды предлагают что-то непонятное. У них никогда нет ни «Эвиан», ни «Виши»[24 - Сорта минеральной воды (фр.)], что мне кажется по меньшей мере странным.

– Они... они должны... как это говорить? Они должны приносить вода страны, в которой вы находитесь, – объяснила леди с овечьим лицом.

– Вот это-то и кажется мне странным. – Женщина с ненавистью взглянула на кучу мелочи, которую официант выложил перед ней на стол. – Вы только посмотрите, что он мне тут надавал... Динары, или что-то в этом роде. Выглядит как куча мусора. Моя дочь говорит...

Мэри Дебенхэм отодвинула стул и вышла из вагона, слегка кивнув двум другим женщинам. Полковник Арбэтнот вышел вслед за ней. Собрав так ненавидимую ею мелочь, американка вышла из вагона-ресторана в сопровождении дамы с овечьим лицом. Венгры вышли еще раньше. Теперь ресторан был пуст, за исключением Пуаро, Рэтчетта и Маккуина.

Рэтчетт что-то сказал молодому человеку, и тот тоже вышел из вагона. Сам же, встав, не последовал вслед за Маккуином, а неожиданно уселся напротив Пуаро.

– Нет ли у вас спичек? – спросил он. Его голос был мягким, и говорил он слегка в нос. – Меня зовут Рэтчетт.

Пуаро слегка поклонился, засунул руку в карман, вытащил коробок спичек и протянул Рэтчетту, который взял его, но спичку зажигать не стал.

– Мне кажется, – продолжил он, – что я имею честь говорить с месье Пуаро, не так ли?

Бельгиец кивнул еще раз:

– Вы хорошо информированы, месье.

Детектив почувствовал, как маленькие острые глазки оценивающе осмотрели его с ног до головы, прежде чем их владелец заговорил вновь.

– Там, где я живу, – сказал он, – мы не привыкли тратить время на пустую болтовню. Поэтому перейду прямо к делу. Месье Пуаро, я хочу вас нанять.

Брови Эркюля Пуаро слегка приподнялись.

– Моя client?le[25 - Клиентура (фр.)], месье, в настоящее время очень ограничена. Я берусь далеко не за все дела.

– Это я прекрасно понимаю. Но, месье Пуаро, мы говорим о солидной сумме. – И он еще раз повторил своим мягким, убедительным голосом: – О достаточно солидной сумме.

– А что вы хотите, чтобы я для вас сделал, мистер Рэтчетт? – спросил сыщик, поразмыслив несколько минут.

– Месье Пуаро, я человек богатый, даже очень богатый. У таких людей, как я, бывают враги. Враг есть и у меня.

– Только один враг?

– Что вы хотите этим сказать? – резко спросил Рэтчетт.

– Месье, когда у человека, как вы говорите, есть враги, то одним, как правило, дело не ограничивается.

Казалось, что ответ Пуаро удовлетворил его собеседника.

– Ах, ну да, – быстро произнес он. – Я вас понял. Враг или враги – сейчас это не имеет значения. Сейчас самое главное – моя безопасность.

– Ваша безопасность?

– Да, моя жизнь под угрозой, месье Пуаро. Правда, я могу сам о себе позаботиться... – С этими словами он продемонстрировал Пуаро небольшой автоматический пистолет, который держал во внутреннем кармане пиджака; потом мрачно продолжил: – Не думаю, что я человек, которого можно застать врасплох. Однако мне хотелось бы быть вдвойне уверенным. Думаю, что вы – как раз тот человек, который мне нужен, месье Пуаро. И, повторяю, речь идет о больших деньгах.

Несколько минут маленький бельгиец задумчиво рассматривал говорившего. На его лице не отражалось буквально ничего – собеседник никак не мог узнать, о чем сыщик думает в данный момент.

– К сожалению, месье, – сказал бельгиец после длинной паузы, – я не смогу быть вам полезен.

– Тогда сами назовите вашу цену, – произнес американец, посмотрев на сыщика пронизательным взглядом.

Пуаро отрицательно покачал головой:

– Вы меня не поняли, месье. Мне очень повезло в профессии, и у меня достаточно денег, чтобы удовлетворять все мои нужды и даже капризы. Теперь я занимаюсь только тем, что меня действительно интересует.

– Видно, что у вас крепкие нервы, – заметил Рэтчетт. – А как насчет двадцати тысяч долларов?

– Никак.

– Если вы хотите выжать из меня побольше денег, то не на того напали. Я знаю, что сколько стоит.

– Я тоже, месье Рэтчетт.

– А что не так с моим предложением?

Пуаро встал.

– Прошу прощения за эти слова, но мне не нравится ваше лицо, месье Рэтчетт, – ответил он и покинул вагон-ресторан.

Глава 4. Крик в ночи

Симплонский «Восточный экспресс» прибыл в Белград в тот же вечер, без четверти девять. Отойти поезд должен был в 9.15, поэтому Пуаро решил выйти на платформу. Однако долго он на ней не задержался. Холод пронизывал до костей, и хотя сама платформа была защищена со всех сторон, снаружи шел сильный снег. Бельгиец решил вернуться в купе. Проводник, который стоял возле вагона, притоптывая ногами и похлопывая руками, чтобы согреться, заговорил с ним:

– Я перенес ваши чемоданы в купе номер один, месье. В то, в котором ехал месье Бук.

– А где же тогда поедет месье Бук?

– Он перешел в афинский вагон, который только что прицепили.

Пуаро направился на поиски своего друга, но тот отмахнулся от его протестов.

– Не стоит даже обсуждать это. Вам будет так удобнее. Ведь вы едете в Англию, поэтому вам лучше остаться в вагоне, который идет прямо до Кале. А мне и здесь замечательно. Главное – тихо. Вагон совсем пуст, за исключением меня и одного греческого врача... Ну и ночь сегодня, друг мой! Говорят, что такого снегопада не было уже много лет. Будем надеяться, что он нас не задержит. Поверьте, мне все это совсем не нравится.

Точно в 9.15 поезд отошел от станции, а вскоре после этого Пуаро пожелал своему другу спокойной ночи и прошел по коридору в свой вагон, который располагался прямо перед вагоном-рестораном.

В этот, второй по счету, день путешествия барьеры стали потихоньку рушиться. Полковник Арбэтнот стоял в дверях своего купе, беседуя с Маккуином.

Увидев Пуаро, Маккуин остановился на полуслове. Он выглядел искренне удивленным.

– Вот это да! – воскликнул он. – А я был уверен, что вы сошли. Вы же говорили, что сойдете в Белграде.

– Вы меня не так поняли, – улыбнулся Пуаро. – Теперь я припоминаю, что во время нашей беседы поезд как раз отправлялся из Стамбула...

– Но послушайте, ваш багаж – он куда-то исчез.

– Его перенесли в другое купе, вот и всё.

– Тогда понятно.

И он возобновил свою беседу с полковником, а Пуаро проследовал дальше.

За две двери до его собственного купе пожилая американская леди, миссис Хаббард, разговаривала с дамой с овечьим лицом, которая оказалась шведкой. Миссис Хаббард пыталась всучить ей какой-то журнал.

– Прошу вас, возьмите его, милочка, – говорила она. – Я захватила с собой достаточно чтива. Боже, этот холод просто ужасен. – Тут она дружески кивнула

проходившему Пуаро.

– Вы очень добры, – проговорила шведская дама.

– Вовсе нет. Надеюсь, что сегодня вы выпитесь, и ваша голова перестанет болеть.

– Это всё от холода, – сказала шведка. – Я сейчас делать себе чашка чая.

– У вас есть аспирин? Вы в этом уверены? У меня его много... Ну, что же, тогда спокойной ночи, моя дорогая.

Когда шведка ушла, американка повернулась к Пуаро и сказала светским тоном:

– Бедняжка, она из Швеции. Насколько я смогла понять, миссионерка – из тех, что обучают туземцев. Милая женщина, но по-английски говорит с трудом. Она так заинтересовалась тем, что я рассказывала ей про свою дочь...

К этому моменту Пуаро уже знал о дочери американки все, до мельчайших подробностей, – как и все остальные пассажиры, которые говорили по-английски! О том, что дочь и ее муж работали в большом американском колледже в Смирне, и о том, что это было первое путешествие миссис Хаббард на Восток, и о том, что миссис Хаббард думает о безответственных турках и о состоянии их дорог.

Дверь рядом с ними открылась, и из нее вышел худой и бледный слуга-англичанин. Внутри купе Пуаро успел заметить мистера Рэтчетта, сидевшего на кровати. Когда тот увидел Пуаро, его лицо потемнело от гнева, а потом дверь захлопнулась.

Миссис Хаббард отвела Пуаро чуть в сторону.

– Знаете, я жутко боюсь этого человека. Нет, не слугу, а другого – его хозяина. Тоже мне хозяин! С этим человеком что-то не так. Моя дочь говорит, что у меня очень сильно развита интуиция. «Когда мамуся что-то чувствует, то она всегда права» – так она говорит. А этот человек вызывает у меня подозрение. Он живет в соседнем купе, и мне это совсем не нравится. Вчера я накрепко заперла

внутреннюю дверь. Мне кажется, что я слышала, как ночью он пробовал ручку. Знаете, я ничуть не удивлюсь, если этот человек окажется убийцей – одним из тех поездных грабителей, о которых пишут в газетах. Может быть, я дура, но я в этом уверена. Я жутко его боюсь. Дочь говорила мне, что у меня будет безоблачное путешествие, но мне оно почему-то совсем не нравится. Возможно, это звучит глупо, но мне кажется, что что-то должно произойти. Что-то страшное. И как этот милый молодой человек может служить у него секретарем, я просто не представляю.

Полковник Арбетнот и Маккуин шли по коридору в их направлении.

– Пойдемте ко мне в купе, – предложил последний. – Постель еще не застелили. Так вот что я хотел вам сказать по поводу британской политики в Индии...

Мужчины прошли мимо них в направлении купе Маккуина.

Миссис Хаббард пожелала Пуаро спокойной ночи.

– Думаю, что я сейчас лягу и немного почитаю, – сказала она. – Спокойной вам ночи.

– Спокойной ночи, мадам.

Пуаро прошел в свое купе, которое находилось по другую сторону от купе Рэтчетта, разделся, лег в постель, почитал около получаса, а потом погасил свет.

Через несколько часов сыщик проснулся как от толчка. Он знал, что его разбудило, – громкий стон, почти крик, который раздался совсем рядом. В тот же момент раздался резкий звонок.

Пуаро сел в кровати и зажег свет. Он заметил, что поезд стоит неподвижно – скорее всего, на станции.

Этот крик сильно встревожил сыщика. Он вспомнил, что Рэтчетт находится в соседнем с ним купе. Пуаро вылез из кровати и приоткрыл дверь своего купе как раз в тот момент, когда к купе Рэтчетта торопливо подошел проводник и

постучал в нее. Пуаро наблюдал за ним в щелку. Проводник постучал во второй раз. Раздался еще один звонок, и одна из дверей дальше по коридору открылась, отбросив яркое пятно света в коридор. Проводник взглянул через плечо в направлении открывшейся двери.

Как раз в этот момент из-за двери купе Рэтчетта раздался мужской голос:

- Ce n'est rien. Je me suis trompé[26 - Ничего. Я ошибся (фр.)].

- Bien, monsieur, - сказал проводник и заторопился к двери, из которой падал свет.

Пуаро с облегчением вернулся в кровать и выключил свет. Он взглянул на часы - без двадцати трех минут час.

Глава 5. Преступление

Эркюль Пуаро долго не мог заснуть. С одной стороны, ему не хватало размеренного движения поезда. Если это станция, то почему на ней так тихо? В то же время звуки в самом вагоне казались необычно громкими. Он слышал, как в соседнем купе двигается Рэтчетт. Щелчок опущенного умывальника, звук текущей в раковину воды, плещущаяся вода, а потом еще один щелчок, когда умывальник опять подняли. По коридору прошел некто в ночных тапочках.

Эркюль Пуаро лежал, уставившись в потолок. Почему на станции царит такая тишина? В горле у него пересохло, а он совсем забыл заказать свою обычную бутылку минеральной воды. Сыщик еще раз взглянул на часы. Всего лишь четверть второго. Надо позвонить проводнику и попросить у него минеральную воду. Он уже было протянул руку к звонку, но внезапно в тишине раздался еще один звонок. Проводник не может одновременно ответить на все.

Дзинь... дзинь... дзинь...

Трели звонка не смолкали. Куда подевался этот проводник? Кто-то явно терял терпение.

Еще одна трель. Кто бы это ни был, он явно не снимал палец с кнопки.

Неожиданно появился проводник – он бежал, и эхо его шагов раздавалось в коридоре. Проводник постучал в дверь купе, расположенного недалеко от Пуаро. Затем раздались голоса: проводника – почтительный и извиняющийся, и женщины – громкий и настойчивый.

Миссис Хаббард.

Пуаро улыбнулся.

Преппирательство – если это можно было так назвать – продолжалось какое-то время, при этом девяносто процентов времени говорила миссис Хаббард и только десять – проводник. Наконец они пришли к какому-то согласию, Пуаро четко услышал: «*Bonne nuit, madame*»[27 - Спокойной ночи, мадам (фр.)], – и дверь закрылась.

Тогда сыщик нажал кнопку своего звонка. Проводник появился почти мгновенно. Выглядел он взмыленным и взволнованным.

– *De l'eau minerale, s'il vous plait*[28 - Минеральную воду, пожалуйста (фр.)].

– *Bien, monsieur.* – Что-то в глазах Пуаро сказало проводнику, что он может облегчить душу.

– *La Dame Americaine...*[29 - Американская дама (фр.)].

– И что она?

Проводник утер пот со лба.

– Вы только представьте себе, что мне пришлось пережить. Она настаивала, именно настаивала, что в ее купе прячется мужчина. Вы только представьте себе, месье. В таком крошечном пространстве... – Он обвел рукой купе. – Ну где он может здесь спрятаться? Я ее уговаривал и объяснял, что это просто невозможно. Но она продолжала настаивать – якобы она проснулась, и в купе

был мужчина. Тогда я спросил ее, как же ему удалось уйти, оставив дверь запертой изнутри? Но она ничего не хотела слышать. Как будто у нас больше нет причин для беспокойства. Этот снегопад...

- Снегопад?

- Ну конечно, месье. Разве месье ничего не заметил? Поезд стоит – мы попали в снежный занос. И одному богу известно, сколько мы здесь простоим. Помню, один раз снег шел целых семь дней.

- И где же мы встали?

- Между Винковцами и Бродом.

- Ла-ла, – печально произнес Пуаро.

Проводник отошел и вернулся с бутылкой минеральной воды.

- Bon soir, monsieur[30 - Хорошего вечера, месье (фр.)].

Пуаро попил воды и приготовился ко сну.

Он уже засыпал, когда что-то опять разбудило его. На этот раз ему показалось, как что-то тяжелое упало, ударившись о дверь его купе.

Сыщик вскочил, открыл дверь и выглянул в коридор. Ничего. Но он увидел, как вдоль по коридору удаляется женщина, закутанная в красное кимоно. В другом конце коридора на откидном стуле сидел проводник, который заносил какие-то цифры в ведомости. Все выглядело тихо и мирно.

- Мне явно надо подлечить нервы, – сказал вслух Пуаро и опять улегся в постель. На это раз он проспал, не пробуждаясь, до самого утра.

Когда сыщик проснулся, поезд все еще продолжал стоять. Подняв штору, маленький бельгиец выглянул на улицу. Их окружали громадные сугробы снега.

Его часы показывали, что время уже больше девяти часов утра.

Без четверти десять Пуаро, как всегда отутюженный и принаряженный – настоящий щеголь, – вошел в вагон-ресторан, в котором не замолкал хор печальных голосов.

Все барьеры, которые еще оставались между пассажирами, теперь были сломаны. Все они оказались объединены одним общим несчастьем. Громче всех звучали жалобы миссис Хаббард.

– Моя дочь говорила мне, что это будет самым приятным путешествием в моей жизни. Надо, мол, просто сесть в поезд и ждать, пока не доедешь до Паррыжа. А теперь мы застряли здесь бог знает на сколько... А у меня послезавтра отплывает пароход, – не переставая ныла она. – Как я теперь на него попаду? Я даже не могу послать телеграмму, чтобы отменить резервацию. У меня просто голова лопается, когда я обо всем этом думаю.

Итальянец тут же сказал ей, что у него самого срочное дело в Милане, а американец согласился: «Скверное дело, мэм» – и выразил робкую надежду, что, может быть, поезд еще нагонит упущенное время.

– Мой сестра – ее дети ждать меня, – сказала шведка и расплакалась. – Как им сообщать? Что они думать? Они решить со мной случаться совсем плохо.

– И сколько мы здесь проторчим? – требовательно спросила Мэри Дебенхэм. – Хоть кто-нибудь может ответить на этот вопрос?

В ее голосе слышалось нетерпение, но Пуаро заметил, что оно ни в какое сравнение не шло с тем лихорадочным нетерпением, которое она продемонстрировала во время пожара на «Таврском экспрессе».

И опять раздался голос миссис Хаббард:

– На этом поезде никто ничего не знает. И никто ничего не хочет делать. Просто какая-то банда совершенно бесполезных иностранцев. Если б это произошло дома, то кто-то наверняка попытался бы сделать хоть что-нибудь.

Арбэтнот повернулся к Пуаро и осторожно обратился к нему на языке, который все британцы почему-то считают французским:

- Vous êtes un directeur de la ligne, je crois, monsieur. Vous pouvez nous dire...[31 - Вы директор линии, я думаю, месье. Вы можете рассказать нам... (фр.)]

Улыбнувшись, Пуаро поправил его.

- Нет, нет, - ответил он по-английски. - Это не я. Вы перепутали меня с моим другом, месье Буком.

- Ох, тогда прошу прощения!

- Ничего страшного. Это совершенно естественно. Просто я сейчас занял его купе.

В ресторане месье Бука не было. Пуаро осмотрелся, чтобы понять, кто еще отсутствует. Не было княгини Драгомировой и венгерской четы. Кроме того, отсутствовали Рэтчетт, его слуга и немецкая горничная мадам.

Шведская дама вытерла глаза.

- Я есть глупый, - сказала она. - Плакать как бэби. Все к лучший, что ни происходить.

Однако мало кто из присутствовавших разделял этот христианский подход к случившемуся.

- Все это очень здорово, - беспокойно произнес Маккуин, - но мы можем застрячь здесь надолго.

- А что это хотя бы за страна? - плаксивым голосом спросила миссис Хаббард.

Узнав, что это Югославия, она сказала:

- Так это одна из балканских стран? Тогда чего еще мы могли ожидать?

– Вы здесь единственный спокойный человек, мадемуазель, – произнес Пуаро, обращаясь к мисс Дебенхэм.

Девушка слегка пожала плечами.

– А что мы можем сделать?

– А вы, оказывается, философ, мадемуазель.

– Философия подразумевает отстраненное отношение к жизни, а у меня все гораздо проще – я научилась не тратить нервы и силы на бесполезные эмоции.

Разговаривая, мисс Дебенхэм даже не взглянула на сыщика. Она смотрела сквозь него, куда-то далеко, туда, где возвышались горы нанесенного снега.

– У вас сильный характер, мадемуазель, – мягко произнес Пуаро, – пожалуй, самый сильный среди всех присутствующих.

– Ну что вы, совсем нет. Я знаю человека, у которого характер гораздо сильнее.

– И это?..

Казалось, что она неожиданно пришла в себя и поняла, что говорит с незнакомцем, с которым до сегодняшнего утра обмолвилась едва ли полудюжиной фраз.

Девушка рассмеялась вежливым, но отчужденным смехом.

– Возьмите, например, эту старую леди. Вы наверняка обратили на нее внимание. Очень уродливая старая леди, и тем не менее она притягивает к себе взор. Ей достаточно пошевелить мизинцем и о чем-то вежливо попросить, как весь поезд бросается выполнять ее желания.

– Люди точно так же бросаются выполнять желания моего друга, месье Бука, – заметил Пуаро, – но это только потому, что он директор Компании, а не потому, что у него сильный характер.

Мэри Дебенхэм улыбнулась.

Утро заканчивалось. Несколько человек – и Пуаро среди них – остались в вагоне-ресторане. Они подсознательно чувствовали, что общество других пассажиров поможет им легче убить время. Сыщик узнал новые подробности о дочери миссис Хаббард и о дневных привычках рано покинувшего сей мир мистера Хаббарда, начиная с того момента, как тот просыпался утром и приступал к своему завтраку, который состоял из овсяной каши, и кончая его отходом ко сну в ночных носках, которые ему вязала обязательно сама миссис Хаббард.

Как раз когда сыщик выслушивал запутанный рассказ о целях миссионерской организации дамы из Швеции, в вагон вошел один из проводников и встал сбоку от него.

– Pardon, monsieur.

– Я слушаю.

– Месье Бук передает вам привет и говорит, что был бы рад, если б вы сообразовали присоединиться к нему на несколько минут.

Пуаро встал, пробормотал свои извинения даме из Швеции и вслед за проводником вышел из вагона.

Этот проводник – крупный светловолосый мужчина – был не из их вагона.

Бельгиец проследовал за ним по коридору своего вагона и перешел в следующий. Мужчина постучал в дверь, а затем сделал шаг в сторону, давая Пуаро возможность войти.

Это было не личное купе месье Бука. Оно было второго класса, и, скорее всего, его выбрали из-за чуть большего размера. Создавалось впечатление, что оно набито людьми.

Сам месье Бук поместился на небольшом стуле в противоположном от двери углу. В углу рядом с окном сидел, повернувшись к нему лицом, небольшой темноволосый мужчина, который смотрел на снег за окном. Около двери стояли

крупный мужчина в синей униформе (chef de train[32 - Начальник поезда (фр.)]) и проводник вагона, в котором ехал Пуаро. Оба они практически блокировали вход в купе.

- А, мой дорогой друг! - воскликнул месье Бук. - Прошу вас, заходите. Вы нам крайне нужны.

Мужчина около окна подвинулся на своем сиденье, Пуаро протиснулся между chef de train и проводником и уселся напротив своего друга. По его лицу он сразу понял, что произошло что-то, как он потом это описывал, «из ряда вон выходящее».

- Что случилось? - спросил сыщик.

- Хороший вопрос. Ну, во-первых, снег и эта неожиданная остановка. А теперь еще и...

Он замолчал. Было видно, как проводник с трудом хватается воздухом ртом.

- И что же теперь?

- А теперь на полке в купе лежит мертвый пассажир, заколотый ножом, - месье Бук произнес это со спокойствием отчаяния.

- Пассажир? Какой пассажир?

- Американец. Его зовут... зовут... - месье Бук сверился со списком, который лежал перед ним, - Рэтчетт. Да, совершенно точно - Рэтчетт.

- Именно так, месье, - сглотнул проводник.

Пуаро взглянул на него и увидел, что он был белым как мел.

- Пусть этот человек сядет, - предложил бельгиец, - иначе он сейчас потеряет сознание.

Chef de train слегка отодвинулся, и проводник сполз по стене и закрыл лицо руками.

- Б-р-р-р, - произнес Пуаро, - дело действительно серьезное!

- Ну конечно, серьезное. Начнем с того, что любое убийство само по себе уже катастрофа чистой воды. А здесь еще и обстоятельства совершенно необычные. Мы попали в снежную западню и можем остаться в ней не на часы, а на дни! И вот еще какое несчастье - обычно на поезде присутствует полиция той страны, по территории которой мы проезжаем, но только не в Югославии. Вы меня понимаете?

- Невероятно сложная ситуация, - согласился Пуаро.

- Однако и это еще не всё. Доктор Константин... простите, я вас не представил - доктор Константин, месье Пуаро.

Небольшой человек встал и поклонился - сыщик поклонился в ответ.

- Доктор Константин считает, что смерть наступила около часа ночи.

- В таких случаях сложно что-либо утверждать совершенно определенно, - сказал врач, - но мне кажется, что я могу с уверенностью сказать, что смерть наступила между полночью и двумя часами утра.

- А когда этого мистера Рэтчетта видели живым в последний раз? - спросил Пуаро.

- Известно только, что он был жив без двадцати час, когда общался с проводником, - ответил месье Бук.

- Это правильно, - заметил Пуаро. - Я сам слышал этот разговор. И с тех пор - ничего?

- Ничего.

Маленький бельгиец повернулся к врачу, который продолжил:

– Окно купе мистера Рэтчетта было широко открыто – видимо, преступник хотел, чтобы мы подумали, что он скрылся через окно. На мой взгляд, он просто замечает следы. Любой, кто ушел таким образом, оставил бы на снегу глубокие отпечатки, а их нет.

– А когда обнаружили преступление? – задал следующий вопрос сыщик.

– Мишель!

Проводник спального вагона выпрямился. Его лицо все еще было бледным, на нем был написан неприкрытый испуг.

– Подробно расскажите этому джентльмену, что же произошло, – велел месье Бук.

– Сегодня утром камердинер мистера Рэтчетта несколько раз стучал к нему в купе, – проводник запинаясь, – но никто не отвечал. Полчаса назад к купе подошел официант из ресторана – он хотел узнать, будет ли мистер Рэтчетт завтракать, ведь было уже почти одиннадцать, вы понимаете? Я попытался открыть ему дверь собственным ключом. Но она была закрыта изнутри на цепочку. В купе было очень тихо и холодно, по-настоящему холодно. Окно было открыто и в него задувал снег. Я подумал, что у джентльмена, скорее всего, случился удар, и позвал chef de train. Мы сломали цепочку и вошли. Пассажир был... Ah! C'était terrible![33 - Ах, это ужасно (фр.).]

Он опять закрыл лицо руками.

– Дверь была заперта и закрыта на цепочку изнутри, – размышлял вслух Пуаро. – А это не самоубийство, как вы думаете?..

Греческий доктор язвительно рассмеялся.

– Как вы думаете, самоубийца способен ударить себя ножом раз этак десять-пятнадцать? – спросил он.

Глаза Пуаро широко раскрылись.

– Смахивает на жуткую жестокость.

– Это женщина, – впервые открыл рот chef de train. – Можете быть уверены – это все женщина. Только женщина может совершить подобное.

Доктор Константин задумчиво почесал подбородок.

– Тогда это должна быть очень сильная женщина, – заметил он. – Не буду ударяться в технические подробности, вас это только запутает, но скажу, что несколько ударов были нанесены с такой силой, что пробили мышцы и сухожилия насквозь.

– Как я понимаю, преступление было совершено не профессионалом, – предположил сыщик.

– Не профессионалом, – согласился врач. – Удары наносились беспорядочно и без всякой системы. Некоторые из них прошли вскользь, не причинив никакого вреда. Похоже на то, что кто-то в состоянии аффекта закрыл глаза и бил ножом снова и снова.

– C'est une femme[34 - Это женщина (фр.)], — вновь повторил chef de train. – Женщины – они все такие. Когда они выходят из себя – откуда только силы у них берутся... – И он кивнул так глубокомысленно, что все присутствовавшие заподозрили, что он основывается на своем собственном опыте.

– Я, наверное, могу кое-что добавить к этой информации, – сказал Пуаро. – Вчера месье Рэтчетт говорил со мной. Насколько я его понял, он волновался за свою жизнь.

– Боялся, что его «укокошат», так, кажется, говорят эти американцы? – вмешался месье Бук. – Тогда дело здесь не в женщине, а скорее в гангстере или наемном убийце.

Было видно, что chef de train сильно расстроился, увидев, что его теория не подтверждается.

– Но если это так, – сказал Пуаро, – то все выглядит как-то уж очень полюбительски.

В его тоне явно слышалось профессиональное осуждение.

– На поезде едет один здоровый янки, – стал развивать свою идею месье Бук. – Ничем не примечательный человек в кричащих костюмах. Он постоянно жуёт жвачку, что, как я понимаю, в приличном обществе не приветствуется. Вы понимаете, о ком я?

Проводник, к которому он обратился, согласно кивнул:

– Oui[35 - Да (фр.)], месье. Номер шестнадцать. Но это не может быть он. Я не видел, чтобы он выходил из своего купе.

– Вполне возможно, вполне возможно... Позже мы к этому еще вернемся. Сейчас главный вопрос – что делать дальше? – И месье Бук посмотрел на Пуаро.

Сыщик возвратил ему взгляд.

– Послушайте, друг мой, – начал месье Бук. – Ведь вы же понимаете, о чем я хочу вас попросить. Возглавьте расследование! Нет, нет, только не отказывайтесь, прошу вас. Понимаете, для нас – а я сейчас говорю о компании «Вэгонс-Лит» – все это очень серьезно. Как будет здорово, если к моменту прибытия югославской полиции у нас уже будет готовое решение! А иначе последуют задержки, возмущение пассажиров, да и вообще вагон и маленькая тележка всяких проблем. И кто знает, может быть, под подозрение попадут совершенно невинные люди. А вместо всего этого – вы раскрываете преступление! И мы сможем сказать – да, произошло убийство, и вот перед вами преступник!

– А если я его не раскрою?

– Ah, mon cher! – Голос месье Бука был полон лести. – Я ведь знаю вашу репутацию. И слышал кое-что о ваших методах. Для вас это просто идеальный случай. Изучение прошлой жизни людей и проверка их добропорядочности обычно занимает уйму времени, а иногда приводит к большим неприятностям. А вы сами не раз говорили мне, что для того, чтобы раскрыть преступление, вам

надо просто поудобнее устроиться в кресле и хорошенько поразмыслить. Так сделайте же это. Опросите пассажиров, осмотрите тело, проанализируйте все улики, а потом... Я верю в вас! Я уверен, что ваши слова не были пустым хвастовством. Садитесь и думайте – используйте (я много раз слышал, как вы говорили об этом) маленькие серые клеточки в вашей голове – и у вас все получится! – Он подался вперед и посмотрел на своего друга умоляющими глазами.

– Я тронут вашей верой в мои скромные способности, друг мой, – голос Пуаро звучал очень эмоционально. – Как вы и сказали, дело, скорее всего, не очень сложное. Я и сам прошлой ночью... хотя об этом мы поговорим позже. По правде говоря, я заинтригован. Не прошло и получаса с того момента, как я раздумывал о том, сколько изматывающе скучных часов нам предстоит здесь провести, – и вот теперь мне есть чем заняться.

– Так вы согласны? – с надеждой спросил месье Бук.

– C'est entendu[36 - Договорились (фр.)], оставьте это дело мне.

– Отлично. Мы все в вашем распоряжении.

– Начнем с того, что мне нужен план вагона Стамбул – Кале, с точным указанием, кто какое купе занимает, а также паспорта и билеты всех пассажиров.

– Мишель немедленно все это вам предоставит.

Проводник вышел из купе.

– Кто еще едет на поезде?

– В этом вагоне только доктор Константин и я. В вагоне из Бухареста – старый джентльмен с хромой ногой; проводники его хорошо знают. Кроме того, есть еще простые вагоны, но они вас волновать не должны – после обеда наша часть состава запирается на ночь. Перед вагоном Стамбул – Кале находится только вагон-ресторан.

– Тогда, – задумчиво сказал Пуаро, – мы должны искать убийцу среди пассажиров этого вагона. – Он повернулся к врачу: – По-моему, вы именно на это намекали, не так ли?

Грек утвердительно кивнул.

– В половине первого ночи мы попали в снежный занос. После этого никто не мог покинуть поезд. – Месье Бук был мрачен. – И убийца сейчас среди нас, на этом поезде...

Глава 6. Убийца – женщина?

– Прежде всего, – сказал Пуаро, – я хотел бы перекинуться парой слов с молодым мистером Маккуином. Он может сообщить нам важную информацию.

– Конечно, – сказал месье Бук и повернулся к chef de train: – Попросите месье Маккуина присоединиться к нам.

Chef de train вышел из купе.

Проводник вернулся с кипой паспортов и билетов. Месье Бук взял их у него.

– Благодарю вас, Мишель. А теперь, полагаю, вам лучше вернуться на свой пост. Позже мы запишем ваши показания.

– Очень хорошо, месье. – И проводник вышел из купе.

– После того как мы поговорим с молодым Маккуином, – сказал Пуаро, – может быть, месье доктор проводит меня в купе убитого?

– Конечно.

– А после того как мы закончим там...

В этот момент вернулся chef de train в сопровождении Гектора Маккуина. Месье Бук встал.

– Здесь немного тесновато, – сказал он приятным голосом. – Присаживайтесь, месье Маккуин. А месье Пуаро сядет напротив – вот так. – Директор повернулся к chef de train: – Уберите всех людей из вагона-ресторана и освободите его для месье Пуаро. Вам будет удобно там беседовать, mon cher?

– Очень удобно, – согласился сыщик.

Маккуин стоял и переводил взгляд с одного на другого, не совсем понимая быстрый поток французских слов.

– Qu'est ce qu'il y a? – с трудом начал он. – Pourquoi?.. [37 - В чем дело? Почему?.. (фр.)]

Повелительным жестом Пуаро указал ему на место в углу. Молодой человек сел и начал опять:

– Pourquoi?.. – Потом запнулся и перешел на родной язык: – Что происходит в этом поезде? Что-то случилось?

Он внимательно смотрел на двух бельгийцев.

– Вот именно, – кивнул Пуаро. – Именно случилось. Приготовьтесь услышать неприятное известие. Ваш работодатель, месье Рэтчетт, мертв.

Маккуин присвистнул. О его шоке или возможном расстройстве говорили только слегка посветлевшие глаза.

– Значит, они все-таки до него добрались, – произнес он.

– Что вы хотите этим сказать, месье Маккуин?

Тот заколебался.

– Вы полагаете, – сказал Пуаро, – что месье Рэтчетта убили?

– А разве нет? – На этот раз было видно, что молодой человек удивлен. – Но вы правы. Именно об этом я подумал. А вы что, хотите сказать, что он умер во сне? – Американец говорил очень медленно. – Старик был крепок, как... крепок, как...

Он замолчал, так и не подобрав достойного сравнения.

– Нет, нет, – возразил Пуаро. – Ваше предположение совершенно верно. Мистера Рэтчетта убили. Точнее, закололи ножом. Мне бы хотелось знать, почему вы так уверены, что это было убийство, а не просто... смерть?

Маккуин заколебался.

– Мне бы хотелось понять, – произнес он, – кто вы такой и почему занимаетесь этим?

– В настоящий момент я представляю компанию «Вэгонс-Лит». – Пуаро помолчал и добавил: – А сам я частный детектив. Меня зовут Эркюль Пуаро.

Если он ожидал какой-то реакции, то ее не последовало.

– Ах вот как? – только и произнес Маккуин и стал ждать продолжения.

– Возможно, вы уже слышали это имя.

– Вы знаете, звучит очень знакомо, но я думал, что это имя дамского портного.

Взгляд Пуаро был полон неприязни.

– Совершенно невероятно! – воскликнул он.

– Что невероятно?

– Да так, ничего... Давайте продолжим. Я хотел бы, месье Маккуин, чтобы вы рассказали мне все, что знаете об убитом. Он вам не родственник?

- Нет. Я его... то есть был его секретарем.

- И как долго вы у него работали?

- Чуть больше года.

- Прошу вас сообщить мне всю информацию, которой вы располагаете.

- С мистером Рэтчеттом я встретился чуть больше года назад в Персии...

- А что вы там делали? - прервал его сыщик.

- Я приехал из Нью-Йорка по поводу одной нефтяной концессии. Думаю, что подробности вам не очень интересны. Нас с моим другом здорово кинули. Мистер Рэтчетт жил со мной в одной гостинице. Он только что разругался со своим секретарем и предложил мне занять его место. Я согласился. Я был на мели и обрадовался, когда мне предложили готовую и хорошо оплачиваемую работу.

- И с тех пор...

- Мы путешествовали. Мистер Рэтчетт хотел увидеть мир. Проблема была в том, что он не владел иностранными языками. Я был скорее его связным, чем секретарем, но жизнь была очень приятная.

- А теперь расскажите мне все, что знаете о вашем работодателе.

Молодой человек пожал плечами, и на его лице появилось растерянное выражение.

- Знаете, это не так просто...

- Его полное имя?

- Сэмюэль Эдвард Рэтчетт.

- Американский гражданин?

- Да.

- Где именно в Америке он родился?

- Не знаю.

- Тогда расскажите мне то, что знаете.

- Все дело в том, мистер Пуаро, что я вообще ничего не знаю! Мистер Рэтчетт никогда ничего не рассказывал ни о себе, ни о своей жизни в Америке.

- А как вы думаете, почему?

- Не знаю. Может быть, он стыдился того, с чего начинал... Некоторые стыдятся.

- И вам это кажется правдоподобным?

- Если честно, то нет.

- У него были родственники?

- Он никогда о них не упоминал.

- Но у вас же должна быть хоть какая-то теория, месье Маккуин, - продолжал настаивать сыщик.

- Да, вы правы. Прежде всего я не верю, что Рэтчетт - это его настоящее имя. Мне кажется, что он намеренно уехал из Америки, чтобы избежать чего-то или кого-то. И мне кажется, что до недавнего времени это ему удавалось.

- А потом?

- А потом он стал получать письма - угрожающие письма.

– Вы их видели?

– Да. В мои обязанности входило следить за его перепиской. Первое письмо пришло две недели назад.

– И все эти письма уничтожены?

– Нет, у меня в архиве должна сохраниться парочка. Одно, я точно помню, он разорвал в ярости... Хотите, принесу?

– Да, будьте так любезны.

Маккуин вышел из купе. Вернувшись через несколько минут, он выложил перед Пуаро два довольно грязных листка писчей бумаги.

Первое письмо было следующего содержания:

Думал, что всех обманул и скрылся, да? Ни за что на свете. Мы ХОТИМ до тебя добраться, Рэтчетт, и мы до тебя ДОБЕРЕМСЯ!

Подписи не было.

Пуаро только приподнял брови и взял второе письмо.

Скоро мы с тобой отправимся на прогулку, Рэтчетт. Очень скоро, ты понял?

И мы тебя ДОСТАНЕМ, не сомневайся.

Пуаро положил письма на стол.

– Содержание довольно однообразно, – заметил он. – Гораздо однообразнее, чем почерк.

Маккуин уставился на него.

– Вы просто этого не заметили, – пояснил Пуаро любезным голосом. – Для этого нужен глаз профессионала. Эти письма написаны не одним человеком, месье Маккуин. Их писали два или три человека – по одной букве зараз. Кроме того, письма написаны печатными буквами, а это значительно усложняет идентификацию почерка.

Он помолчал, потом спросил:

– Вы знаете о том, что месье Рэтчетт обращался ко мне за помощью?

– К вам?

В голосе Маккуина звучало такое искреннее удивление, что Пуаро сразу понял, что он ничего не знает. Сыщик кивнул:

– Да. И был при этом сильно обеспокоен. Скажите, как он среагировал на первое письмо?

– Сложно сказать, – поколебавшись, ответил Маккуин. – Он... он отбросил его со своим всегдашним тихим смешком. Но мне показалось, – молодой человек слегка поежился, – что за этим смешком скрывалась буря эмоций.

Пуаро снова кивнул. Его следующий вопрос оказался совершенно неожиданным для опрашиваемого.

– Мистер Маккуин, скажите – только честно, – как вы относились к вашему работодателю? Он вам нравился?

Гектор Маккуин задумался.

– Нет, – ответил он наконец. – Он мне не нравился.

– Почему?

– Сложно сказать. Манеры у него всегда были очень приятные... – Мужчина помолчал, затем продолжил: – Скажу вам как на духу, мистер Пуаро, – он мне не нравился, и я ему не верил. Я уверен, что он был жестоким и опасным человеком. Хотя должен признаться, что у меня нет никаких доказательств этого.

– Благодарю вас, месье Маккуин. Еще один вопрос – когда вы в последний раз видели месье Рэтчетта живым?

– Прошлым вечером... – Маккуин задумался, вспоминая, – около десяти часов. Я зашел к нему в купе, чтобы сделать кое-какие записи.

– Записи о чем?

– В Париже он купил какие-то древние черепки и античную посуду. Когда их доставили, то оказалось, что это не то, за что он заплатил. Переписка по этому поводу была очень долгой и достаточно ядовитой.

– И это был последний раз, когда вы видели его живым?

– Да, мне так кажется.

– А когда месье Рэтчетт получил последнее угрожающее письмо?

– Утром того дня, когда мы уезжали из Константинополя.

– И еще один вопрос, который мне хотелось бы задать вам, месье Маккуин, – в каких отношениях вы были с месье Рэтчеттом?

Неожиданно в глазах молодого человека промелькнул огонек.

– По-видимому, именно сейчас я должен покрыться мурашками и произнести сакраментальную фразу любого бестселлера: «У вас на меня ничего нет». У нас с Рэтчеттом действительно были абсолютно нормальные отношения.

– Будьте любезны, месье Маккуин, сообщите мне ваше полное имя и адрес в Америке.

Молодой человек продиктовал свое имя – Гектор Уиллард Маккуин и адрес в Нью-Йорке.

Пуаро откинулся на подушки.

– На сегодня это все, месье Маккуин, – сказал он. – Буду благодарен вам, если вы какое-то время не будете распространяться о смерти месье Рэтчетта.

– Я должен рассказать об этом его камердинеру – Мастермэну.

– Возможно, он уже знает об этом, – сухо заметил Пуаро. – Если так, то посоветуйте ему держать язык за зубами.

– Это будет совсем нетрудно. Он британец и, как он сам говорит, «не любит лезть в чужие дела». Он очень низкого мнения об американцах, а других национальностей для него просто не существует.

– Благодарю вас, месье Маккуин.

Американец вышел из купе.

– Ну и?.. – поинтересовался месье Бук. – Вы верите тому, что наговорил этот молодой человек?

– Он выглядит человеком честным и прямолинейным. Не стал притворяться в любви к убитому, что, скорее всего, сделал бы, если б был замешан в преступлении. То, что месье Рэтчетт не сказал ему, что обращался ко мне за помощью, тоже правда, и ничего подозрительного я в этом не нахожу. Мне кажется, что месье Рэтчетт не любил распахивать душу перед кем-либо.

– Что же, будем считать, что хоть один из пассажиров невиновен, – радостно заключил месье Бук.

Пуаро бросил на него осуждающий взгляд.

– Что касается меня, то я буду подозревать всех до самой последней минуты, – признался он. – И тем не менее должен сказать, что не могу представить себе,

как этот уравновешенный Маккуин теряет голову и тыкает свою жертву ножом двенадцать или четырнадцать раз. На него это не похоже, совсем не похоже.

– Согласен, – задумчиво произнес месье Бук. – Это больше похоже на поступок мужчины, полностью потерявшего рассудок от ярости. Я бы сказал, что это мог сделать мужчина с южным темпераментом. Или, как настаивает наш друг chef de train, это дело рук женщины.

Глава 7. Труп

В сопровождении доктора Константина Пуаро прошел в соседний вагон, в купе, которое принадлежало убитому. Проводник открыл им дверь своим ключом.

Мужчины вошли, и сыщик вопросительно посмотрел на своего спутника:

– Что делали в этом купе?

– Здесь ни до чего не дотрагивались. Я старался не двигать тело во время осмотра.

Пуаро удовлетворенно кивнул и осмотрелся.

Первое, на что он обратил внимание, был жуткий холод. Окно было опущено до предела, а жалюзи полностью подняты.

– Б-р-р-р, – невольно произнес сыщик.

Врач понимающе улыбнулся.

– Я решил не закрывать его, – пояснил он.

Пуаро внимательно осмотрел окно.

– Вы абсолютно правы, – объявил он. – Никто не покидал вагон этим путем. Вполне возможно, опущенное окно предназначалось для того, чтобы направить нас по ложному следу, но если это так, то снегопад нарушил планы преступника.

Теперь он внимательно осмотрел раму. Достав из кармана маленькую коробочку, нанес на нее немного пудры и заметил:

– Абсолютно никаких отпечатков пальцев. Это значит, что раму тщательно протерли. Хотя, если б отпечатки и были, нам от них было бы мало толку. Они принадлежали бы месье Рэтчетту, или его слуге, или проводнику. Сейчас преступники уже не оставляют свои отпечатки где попало. А поэтому, – весело добавил он, – мы вполне можем закрыть окно, а то купе стало похоже на холодный склеп!

Он немедленно претворил свою идею в жизнь и только после этого впервые посмотрел на неподвижную фигуру, лежавшую на полке.

Убитый лежал на спине. Полы его пижамы, покрытые ржавыми пятнами, были расстегнуты и откинута в стороны.

– Понимаете, мне надо было определить характер повреждений, – объяснил врач.

Пуаро кивнул и наклонился над телом. Наконец он выпрямился с легкой гримасой, заметив:

– Видок не из самых приятных. Кто-то стоял над телом и втыкал в него нож снова и снова. Сколько ран, если точно?

– Я насчитал двенадцать. Некоторые настолько неглубоки, что больше похожи на царапины. С другой стороны, по крайней мере три из них вполне могли быть смертельными.

Что-то в голосе врача привлекло внимание Пуаро. Он внимательно посмотрел на медика. Маленький грек смотрел на труп с хмурым недоумением.

– Что-то кажется вам странным, не так ли? – мягко спросил Пуаро. – Говорите, мой друг. Ведь что-то здесь кажется вам странным?

– Вы правы, – признался врач.

– И что же именно?

– Видите эти две раны – здесь и здесь? – Врач указал на них пальцем. – Они довольно глубокие – было перерезано много сосудов; и тем не менее их края не разошлись. Из них вылилось не так много крови, как можно было бы ожидать.

– А это означает...

– Что мужчина был уже мертв, причем какое-то время, когда их нанесли. Хотя это абсурдно по своей сути.

– Это действительно абсурдно, – задумчиво сказал Пуаро, – если только наш убийца вдруг не решил, что не выполнил свою работу до конца и не вернулся, чтобы проверить себя еще раз, – но это еще более абсурдно. Что-нибудь еще?

– Еще одна вещь.

– Какая именно?

– Видите эту рану – под правой рукой, рядом с плечом? Возьмите мой карандаш и попытайтесь нанести подобный удар.

Пуаро поднял руку.

– Precisement, – сказал он. – Я вас понял. Правой рукой это сделать очень трудно, почти невозможно. Пришлось бы бить сзади. А вот если удар наносился левой рукой...

– Вот именно, месье Пуаро. Этот удар был, несомненно, нанесен левой рукой.

– Так что, наш убийца еще и левша? Нет, всё не так просто, правильно?

– Всё, как вы говорите, месье Пуаро. Большинство ударов наносились правой – это очевидно.

– Тогда их было двое. Мы опять возвращаемся к тому же самому, – пробормотал детектив. – А свет горел? – неожиданно спросил он.

– Сложно сказать. Дело в том, что по утрам, в районе десяти часов, проводник сам отключает электричество.

– Тогда давайте осмотрим выключатели, – предложил сыщик. Он внимательно осмотрел выключатель верхнего света и лампу для чтения у изголовья, которая закрывалась сферической крышкой. Верхний свет был выключен, а крышка на лампе для чтения была закрыта.

– Eh bien, – задумчиво сказал бельгиец. – Теперь у нас появилась гипотеза о Первом и Втором убийце, прямо как у великого Шекспира[38 - Имеется в виду Первый и Второй могильщики в трагедии У. Шекспира «Гамлет»]. Первый убийца несколько раз ударил жертву ножом и покинул купе, погасив свет. Второй убийца появился в темноте, не понял, что его – или ее – работа уже выполнена, и воткнул нож, по крайней мере дважды, в мертвое тело. Que pensez vous de ça?[39 - Как вам такой вариант? (фр.)]

– Великолепно! – с энтузиазмом воскликнул маленький доктор.

Глаза сыщика блеснули.

– Вы так думаете? Что ж, я рад. Хотя мне все это кажется глупостью.

– А как еще можно все это объяснить?

– Именно этот вопрос я и задаю сам себе. Это что, простое совпадение или нечто другое? И существуют ли какие-нибудь другие несостыковки, которые указывали бы на участие двоих людей?

– Думаю, что могу ответить утвердительно. Как я уже говорил, некоторые из этих ударов указывают на слабость – или это отсутствие физической силы, или отсутствие моральной решительности. Слабые скользящие удары. Но вот этот

удар или вот этот... – Врач опять указал на разрезы. – Для того чтобы их нанести, нужна недюжинная сила. Они пробили мышечный каркас.

– И вы считаете, что их нанес мужчина? – уточнил Пуаро.

– Почти наверняка – да.

– Женщина этого сделать никак не могла?

– Молодая, здоровая, атлетическая женщина, особенно находящаяся в состоянии аффекта, могла бы – но, на мой взгляд, это невероятно.

Несколько минут Пуаро молчал.

– Вы меня понимаете? – взволнованно переспросил врач.

– Абсолютно, – ответил детектив. – Дело на глазах становится все проще и проще! Убийца – очень сильный мужчина, и в то же время совсем чахлый, и вообще он женщина, да к тому же левша, которая почему-то пользовалась правой рукой... Ah! c'est rigolo, tout ça! [40 - Все это просто смешно! (фр.)] А что же в это время делает убитый? – В голосе Пуаро неожиданно послышался гнев. – Он что, кричит? Сопrotивляется? Пытается себя защитить?

Засунув руку под подушку, маленький бельгиец достал автоматический пистолет, который Рэтчетт показывал ему накануне.

– Видите, полностью заряжен, – обратился он к врачу.

Они еще раз осмотрелись. Одежда Рэтчетта была развешена по крючкам на стене. На небольшом столике, который был образован крышкой раковины, находилось несколько предметов: стакан со вставными челюстями, еще один стакан – на этот раз пустой, бутылка минеральной воды, большая фляжка, пепельница с окурком сигары, обуглившимися бумажками и двумя сгоревшими спичками.

Доктор понюхал пустой стакан.

- Вот в чем причина пассивности жертвы, - сказал он.

- Наркотик?

- Да.

Пуаро кивнул. Затем взял две обожженные спички и внимательно их изучил.

- Что-нибудь нашли? - с нетерпением спросил врач.

- Это две разные спички, - сказал Пуаро. - Одна из них более плоская, чем другая. Видите?

- Такие спички обычно раздают в поезде - в бумажной упаковке, - сказал врач.

Пуаро стал обыскивать карманы Рэтчетта. Наконец он нашел коробок со спичками. Внимательно изучив их, сказал:

- Ту, что потолще, зажег Рэтчетт. Давайте посмотрим, есть ли у него более плоские.

Но дальнейшие поиски ничего не дали. Глаза Пуаро шарили по купе. Сейчас они походили на глаза птицы - такие же светлые и острые. Было видно, что от них ничего не укроется.

Наконец, негромко вскрикнув, он наклонился и поднял что-то с пола. Это оказался очень изящный квадратный лоскут батиста.

- Наш друг chef de train, кажется, прав. - Доктор был в полном восторге. - В деле определенно замешана женщина.

- И она очень удачно оставила свой платок! - заметил Пуаро. - Прямо как в романах или в кино - а чтобы еще больше облегчить нам жизнь, на платке вышиты инициалы.

- Нам действительно здорово повезло! - воскликнул грек.

- Действительно, - произнес Пуаро, и что-то в его голосе удивило врача.

Но прежде чем он смог попросить сыщика объясниться, тот еще раз нырнул ему под ноги.

На этот раз у него на ладони лежал ершик для чистки трубок.

- Скорее всего, он принадлежал Рэтчетту, - предположил доктор.

- Но у него в карманах нет никаких следов ни трубки, ни табака, ни кисета.

- Тогда это улика.

- Ну конечно. И опять она появилась весьма кстати. И заметьте, на этот раз указывает на мужчину... Да, на отсутствие улик в этом деле трудно жаловаться. Их больше чем достаточно. Кстати, а что вы сделали с орудием убийства?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Таврские горы - гряда на юге Турции в провинции Анталия.

2

Мой дорогой (фр.).

3

Ну конечно (фр.).

4

Итак (фр.).

5

Отправляемся, месье (фр.).

6

Наконец-то! (фр.)

7

Прошу, месье (фр.).

8

Благодарю, месье (фр.).

9

Хорошенькая женщина (фр.)

10

Так в Индии обращаются к слугам.

11

Как это иногда раздражает (фр.).

12

Очень хорошо, месье (фр.).

13

Хорошо, месье (фр.).

14

Старый приятель (фр.).

15

Ежиком (фр.).

16

Международная компания, занимающаяся пассажирскими железнодорожными перевозками. В конце XIX – начале XX в. была оператором «Восточного экспресса».

17

Всё дела, дела! (фр.)

18

Точно! (фр.).

19

Как? (фр.)

20

В романе Ч. Диккенса «Мартин Чезлвит» (1844) одна из героинь, Сара Гэмп, для подтверждения своей правоты ссылается на выдуманную ею подругу – некую миссис Харрис.

21

В самый конец, месье (фр.).

22

Я думаю, что у вас есть заблуждение (лом. фр.).

23

Она мила – и шикарна (фр.).

24

Сорта минеральной воды (фр.).

25

Клиентура (фр.).

26

Ничего. Я ошибся (фр.).

27

Спокойной ночи, мадам (фр.).

28

Минеральную воду, пожалуйста (фр.).

29

Американская дама (фр.).

30

Хорошего вечера, месье (фр.).

31

Вы директор линии, я думаю, месье. Вы можете рассказать нам... (фр.)

32

Начальник поезда (фр.).

33

Ах, это ужасно (фр.).

34

Это женщина (фр.).

35

Да (фр.).

36

Договорились (фр.).

37

В чем дело? Почему?.. (фр.)

38

Имеется в виду Первый и Второй могильщики в трагедии У. Шекспира «Гамлет».

39

Как вам такой вариант? (фр.)

40

Все это просто смешно! (фр.)

Купить: <https://tellnovel.com/ru/agata-kristi/ubiystvo-v-vostochnom-ekspresso-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)